
18+

Иван Игнатов
Сердце Зимы. Шёпот

https://litres.ru/74703024
SelfPub; 2026

Аннотация

Триста лет назад солнце погасло. Люди спустились под землю и построили город вокруг единственного источника тепла — гигантского существа, которое спит в центре мира. Его называют Сердцем Зимы. Ему поют колыбельные. Ему отдают воспоминания. Ему верят.

Мирра — молодая жрица Хранителей Очага. Её работа — спускаться в шахты, петь Сердцу и отдавать ему свои воспоминания. Она не помнит своего детства. Не помнит голоса матери. Не помнит, как выглядело солнце. Она знает только одно: так надо. Так спасают город.

Но однажды Сердце говорит с ней. Не шёпотом, не во сне — наяву. Оно просит: «Убей меня».

Теперь Мирра должна решить: верить Храму, который скрывает правду, или существу, которое медленно умирает у неё на глазах. И если она выберет правду — хватит ли у неё сил выжить?

Содержание

ГЛАВА 1. СПУСК 4
ГЛАВА 2. ХРАМ 19
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Иван Игнатов
Сердце Зимы. Шёпот

ГЛАВА 1. СПУСК

Тоннель дышал.

Мирра знала, что это невозможно — камни не дышат. Но каждый раз, когда она спускалась в шахты, ей казалось, что стены медленно вдыхают и выдыхают, как спящий зверь. Воздух был густым, влажным, с привкусом ржавчины и старого льда. Он оседал на языке, и Мирра привычно сглотнула, стараясь не думать о том, что этот воздух когда-то был чужим дыханием.

Она шла уже час. Свет факела выхватывал из темноты неровные стены, покрытые сизым налётом. Где-то капала вода. Капля падала с сосульки, разбивалась о камень и умирала. Мирра считала капли, чтобы не считать шаги. На четырёхсотой она сбилась.

— Не отставай, — бросила через плечо сестра Ольга. Она шла впереди, высокая, сутулая, с факелом в руке. — Если отстанешь, тебя заберёт Буран.

Мирра не ответила. Она знала, что это не так. Буран не забирал тех, кто внизу. Буран ждал наверху. Но сестра Ольга любила пугать молодых. Это была её маленькая власть.

— Я не отстаю, — сказала Мирра.

— Поторопись. Сердце не любит ждать.

Мирра ускорила шаг. Её сапоги скользили по мокрому камню. Она держалась за стену, и стена была холодной, как рука мертвеца. Мирра знала, что после ритуала ей дадут горячий отвар и тёплое одеяло. Она знала, что завтра она забудет этот холод. Она забудет многое. Но сейчас — сейчас она чувствовала каждую трещину под пальцами.

Тоннель расширился. Стены расступились, и Мирра вышла в пещеру.

Она всегда останавливалась здесь на секунду. Просто чтобы вдохнуть.

Пещера была огромной — настолько, что её потолок терялся в темноте. Свет факела не доставал до сводов. Где-то в вышине капала вода, и звук падал вниз, как монета в колодец. А в центре пещеры, в кольце из чёрных камней, лежало **Сердце**.

Мирра видела его сотни раз. И каждый раз её горло сжималось.

Оно было похоже на кристалл — гигантский, неровный, полупрозрачный. Внутри него билось что-то живое: медленно, тяжело, как сердце уставшего человека. Свет внутри кристалла был тусклым, красноватым, и он пульсировал в такт с биением. С каждым ударом по пещере проходила дрожь. С каждым ударом Мирра чувствовала, как её собственное сердце сбивается с ритма.

— Не стой, — сказала Ольга. — Начинай.

Мирра подошла ближе. Кольцо из чёрных камней было границей. За неё нельзя было заходить — так говорили жрецы. Но Мирра знала, что это не так. Она заходила. Каждый раз. Чтобы Чтобы петь.

Она опустилась на колени у края кольца. Достала из сумки маленькую чашу — медную, с трещиной на боку. Налила в неё воду из фляги. Вода была ледяной. Мирра смочила пальцы и провела ими по лбу, по губам, по груди.

— Я пришла, — сказала она. — Я помню тебя. Я спою тебе

Мирра закрыла глаза и начала петь.Это была колыбельная. Её пели все Согревающие. Она не помнила, откуда взялась эта песня. Может быть, её придумали жрецы. Может быть, её пели ещё до того, как солнце погасло. Мирра пела её каждую неделю, и каждую неделю она забывала слова. Но сейчас слова приходили сами.

Спи, моё сердце, спи, Я укрою тебя снегом, Я спою тебе о солнце, Которого ты не видел.

Голос Мирры дрожал. Она пела тихо, почти шёпотом, но в пещере было так тихо, что каждый звук отскакивал от стен и возвращался к ней.

Спи, моё сердце, спи, Я отдам тебе своё тепло, Я отдам тебе своё имя, Только не просыпайся.

Свет внутри кристалла вспыхнул ярче. Мирра почувствовала, как что-то тянется к ней — из глубины кристалла,

сквозь камень, сквозь воздух. Это было похоже на руку. Невидимую, холодную, но нежную. Она коснулась её виска.

Мирра открыла глаза.

— Я здесь, — прошептала она.

И тогда Сердце заговорило.

Это не был голос. Это было ощущение — как будто кто-то вложил слова прямо в её голову. Медленно, тяжело, с паузами между слогами.

Ты... пришла...

Мирра кивнула. Слёзы выступили на глазах. Она не знала, почему плачет. Может быть, от холода. Может быть, от чего-то другого.

— Я пришла, — сказала она. — Я пою тебе. Спи.

Я... не... хочу... спать...

Мирра замерла. Она слышала это раньше. Каждый раз. Но каждый раз она думала, что это ей кажется. Что это её собственные мысли, её собственный страх.

— Тебе нужно спать, — сказала она мягко, как учили. — Если ты не будешь спать, город замёрзнет. Люди умрут.

Люди...

Пауза. Долгая. Мирра слышала, как капает вода. Как бьётся её собственное сердце.

Люди... уже... умирают...

— Нет, — сказала Мирра. — Они живут. Благодаря тебе. Ты даёшь им тепло.

Я... даю... им... боль...

Мирра замолчала. Она не знала, что на это ответить. Жрецы учили её: «Сердце даёт тепло. Сердце — это дар. Мы должны быть благодарны». Но сейчас, глядя в тусклый красный свет внутри кристалла, она впервые подумала: а что, если Сердце **не хочет** давать тепло? Что, если оно **страдает**?

— Я заберу твою боль, — сказала она. — Я спою тебе. Я отдам тебе своё воспоминание. Ты успокоишься. Ты заснёшь.

Ты... отдашь... мне... воспоминание...

— Да.

Какое...

Мирра задумалась. Она всегда отдавала что-то неважное. Запах хлеба. Цвет снега. Голос матери. Она не помнила голос матери — но знала, что он был. Жрецы говорили: «Отдавай то, что не нужно. То, что болит. То, что мешает». Она так и делала.

— Я отдам тебе... — она запнулась. — Я отдам тебе воспоминание о первом снеге. Я помню, как стояла на пороге Храма и смотрела, как падают снежинки. Мне было пять лет. Мать держала меня за руку. Я смеялась.

Смеялась...

— Да.

Я... не... помню... смех...

Мирра почувствовала, как что-то тёплое поднимается из её груди. Это было воспоминание. Оно было мягким, как шерсть. Оно пахло снегом и хлебом. Оно было её.

Она выдохнула — и воспоминание вышло из неё, как пар изо рта. Оно повисло в воздухе на секунду, а потом втянулось в кристалл. Свет внутри вспыхнул ярче. На мгновение Мирре показалось, что она видит улыбку — не на кристалле, а **внутри** него.

Спасибо...

— Спи, — сказала Мирра. — Пожалуйста. Спи.

Я... не... могу...

— Почему?

Пауза. Долгая. Слишком долгая. Мирра услышала, как за спиной переступает с ноги на ногу сестра Ольга.

Потому... что... я... умираю...

Мирра замерла. Слова повисли в воздухе, как капли воды.

— Что? — прошептала она.

Я... умираю... Мирра...

Она вздрогнула. Оно назвало её по имени. Оно никогда не называло её по имени.

Я... держу... свет... Но... я... больше... не... могу...

— Какой свет? — Мирра подалась вперёд. — О чём ты?

Свет... который... вы... потеряли... Он... внутри... меня... Я... держу... его... триста... лет... Я... устал...

Мирра почувствовала, как слёзы текут по щекам. Она не понимала, что происходит. Она не понимала, о чём говорит Сердце. Но она **чувствовала** его боль. Она чувствовала её так, как будто это была её собственная боль.— Что мне делать? — спросила она. — Как тебе помочь?

Убей... меня...

Мирра отшатнулась.

— Нет, — сказала она. — Нет. Я не могу.

Убей... меня... Или... я... убью... их...

— Кого?

Всех...

Свет внутри кристалла вспыхнул. На секунду Мирре показалось, что она видит **видение**: город внизу, люди, которые ходят по улицам, дети, которые играют в снегу. А потом — холод. Белый, слепящий холод. Люди падают. Дети кричат. Всё замирает.

Видение исчезло. Мирра стояла на коленях, тяжело дыша.

— Что это было? — прошептала она.

Будущее... Если... я... проснусь...

— А если ты уснёшь?

Если... я... усну... навсегда... свет... вернётся... Но... город... замёрзнет...

Мирра закрыла глаза. Она не знала, что делать. Она не знала, что сказать. Она была всего лишь Согревающей. Её работа была петь. Её работа была отдавать воспоминания. Её работа была **не думать**.

Но сейчас она думала. Впервые в жизни — думала.

— Я вернусь, — сказала она. — Я найду способ. Я обещаю.

Ты... не... вернёшься...

— Вернусь.

Ты... забудешь...

— Не забуду.

Пауза.

Тогда... иди... Мирра... И... помни...

Свет внутри кристалла погас. Пещера погрузилась в тишину. Только вода капала. Только сердце Мирры билось.

— Мирра! — голос Ольги был резким. — Ты закончила? Пора уходить.

Мирра медленно поднялась. Её колени дрожали. Она посмотрела на кристалл. Он был тусклым. Мёртвым. Но она знала, что он жив. Он ждёт.

Она повернулась и пошла к выходу. Ольга шла рядом, что-то говорила про отвар и одеяло. Мирра не слушала.

Она думала о том, что сказало Сердце.

Убей меня.

И она думала о том, что ответила.

Я вернусь.

Она не знала, что будет дальше. Она не знала, как сдержать обещание. Но она знала одно: она **не забудет**. Даже если придётся отдать все воспоминания. Даже если придётся отдать всё.

Она запомнит этот шёпот.Ольга шла впереди и говорила. Ольга всегда говорила, когда нервничала. А нервничала она всегда, когда они возвращались из шахт.

— ...и не забудь, что после отвара надо сразу в келью. Мать-Настоятельница не любит, когда молодые шатаются по

коридорам. В прошлом году одна послушница задержалась у кухни — её потом три дня не могли согреть, всё повторяла, что слышит шёпот в стенах. Глупости, конечно. Стены не шепчут. Но правила есть правила...

Мирра не слушала. Она считала шаги. От пещеры до развилки — двести тридцать шагов. От развилки до лестницы — ещё четыреста. Она знала эти цифры наизусть. Она знала каждый камень на этом пути. Она могла бы пройти его с закрытыми глазами.

Но сегодня камни казались другими. Сегодня они были холоднее. Или это она была холоднее?

— Ольга, — сказала она.

— Что?

— Ты когда-нибудь слышала, чтобы Сердце говорило?

Ольга остановилась. Факел качнулся, и тени заплясали на стенах. Она обернулась. Её лицо было усталым, серым от пыли.

— Сердце не говорит, — сказала она. — Сердце даёт тепло. Жрецы говорят, что оно спит. А спящие не разговаривают.

— А если оно не спит?

— Тогда мы все давно бы замёрзли. — Ольга отвернулась и пошла дальше. — Не выдумывай. Тебе дадут отвар, и всё пройдёт.

Мирра хотела сказать, что отвар не поможет. Что она слышала не шёпот, а слова. Настоящие слова. Но она промолча-

ла. Ольга была старше. Ольга была права. Ольга всегда была права.

Они дошли до лестницы. Это была винтовая лестница, вырубленная в скале, — узкая, скользкая, с шаткими перилами из ржавого железа. Мирра всегда боялась этой лестницы. Не потому, что могла упасть. А потому, что, поднимаясь по ней, она чувствовала, как удаляется от Сердца. Как будто часть её оставалась внизу, в пещере, и тянула её назад.

Сегодня это чувство было сильнее обычного.

— Иди, — сказала Ольга. — Я за тобой.

Мирра начала подниматься. Ступени были холодными даже сквозь подошвы сапог. Она считала: раз, два, три... На двадцатой ступени она остановилась.

— Ольга.

— Ну что ещё?

— А что было до Сердца?

Пауза. Ольга тяжело вздохнула.

— До Сердца было солнце. Ты знаешь это. Все знают.

— А куда оно делось?

— Его украли. Или оно погасло. Или боги забрали его за наши грехи. Жрецы говорят разное. Какая разница?

— А если оно не погасло? — Мирра обернулась. — Если оно где-то есть?

Ольга посмотрела на неё. В её глазах было что-то — не злость, не усталость. Что-то другое. Страх.

— Не спрашивай, — сказала она тихо. — Просто не спра-

шивай. Иди.

Мирра пошла дальше. Она больше не считала ступени.

Лестница вывела их в коридор, который вёл в Храм. Здесь уже было тепло. Стены были обшиты деревом, а на полу лежали тканые дорожки. Пахло дымом и воском. Где-то вдалеке пел хор — тихо, тягуче, как будто звук шёл из-под земли.

Мирра всегда любила этот момент. Момент, когда она возвращалась из шахт и попадала в тепло. Ей казалось, что она рождается заново. Что холод остаётся позади, в тоннелях, и больше никогда её не коснётся.

Но сегодня тепло не согревало. Оно было чужим. Как будто она надела чужую одежду.

Они прошли мимо кухни. Оттуда пахло похлёбкой — пустой, из грибов и кореньев. Мирра почувствовала, как урчит в животе. Она не ела с утра. Она никогда не ела перед спуском. Жрецы говорили: «Голод очищает разум». Мирра думала, что голод просто делает тебя слабее, чтобы ты не мог сопротивляться.

В коридоре им встретился Старший Жрец Клим. Он шёл быстро, прижимая к груди связку ключей. Увидев Мирру и Ольгу, он остановился.

— Вернулись? — спросил он. Голос у него был сухой, как старая бумага.

— Вернулись, — сказала Ольга. — Всё прошло хорошо.

— Сердце спокойно?

— Да.

Клим посмотрел на Мирру. Его глаза были маленькими и колючими, как гвозди.

— А ты что скажешь, Согревающая?

Мирра почувствовала, как что-то сжимается в груди. Она знала, что нужно сказать. «Сердце спокойно. Я сделала всё, что нужно. Я отдала воспоминание». Это были правильные слова. Слова, которые от неё ждали.

Но она вспомнила шёпот.

Убей меня.

— Сердце... — начала она.

— Сердце спокойно, — перебила Ольга. — Она устала, святой отец. Ей нужен отдых.

Клим прищурился. Он смотрел на Мирру ещё секунду, потом кивнул.

— Хорошо. Отвар на кухне. Потом — в келью. Завтра утром жду тебя в храме. Есть разговор.

Он ушёл. Ключи звякнули на прощание.

Ольга выдохнула.

— Ты что творишь? — прошипела она. — Хочешь, чтобы тебя отправили на поверхность?

— Я просто хотела сказать...

— Ничего ты не хотела. Ты хотела **подумать**. А здесь не думают. Здесь поют и отдают воспоминания. Запомни это.

Она схватила Мирру за руку и потащила дальше по коридору.

Келья Мирры была маленькой. Кровать, сундук, стол,

лампада перед иконой. На иконе был изображён человек с длинными волосами и печальными глазами. Жрецы говорили, что это Первый Согревающий — тот, кто первым спустился к Сердцу и спел ему колыбельную. Мирра всегда думала, что он выглядит уставшим. Как будто он тоже что-то потерял.

Она села на кровать и закрыла глаза. Отвар стоял на столе — остывающий, горький. Она не хотела пить. Она хотела **помнить**.

Она вспомнила пещеру. Красный свет внутри кристалла. Голос — не голос, а ощущение. *«Убей меня»*. И видение: город, люди, дети, белый холод.

Она вспомнила обещание. *«Я вернусь»*.

И она поняла, что не знает, как его сдержать.

В дверь постучали.

Мирра вздрогнула.

— Кто там?

— Это я, — раздался тонкий голос. — Лада.

Мирра встала и открыла дверь. На пороге стояла девочка лет двенадцати — маленькая, худая, с косичками и большими глазами. Она была в форме послушницы, которая была ей велика. Рукава свисали до колен.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Мирра. — Тебе нельзя быть в этом крыле.

— Я знаю, — сказала Лада. — Но я хотела тебя увидеть. Мне сказали, что ты спускалась к Сердцу. Это правда?

Мирра кивнула.

— А оно... какое? — Лада понизила голос. — Оно страшное?

Мирра задумалась. Она хотела сказать «да». Хотела сказать «нет». Но правда была сложнее.

— Оно уставшее, — сказала она. — Оно хочет спать.

Лада кивнула, как будто это имело смысл.

— А ты можешь меня научить? — спросила она. — Петь ему?

— Тебе ещё рано.

— Но я хочу. Я хочу быть Согревающей. Как ты.

Мирра посмотрела на неё. На её лице было столько надежды. Столько веры. Мирра помнила, что когда-то была такой же. Когда-то она тоже хотела быть Согревающей. Когда-то она тоже думала, что это честь.

— Лада, — сказала она тихо. — А ты знаешь, что мы отдаём?

— Воспоминания, — сказала Лада. — Жрецы говорят, что это дар. Что мы отдаём то, что не нужно.

— А если это нужно?

Лада заморгала.

— Как это?

Мирра хотела объяснить. Хотела рассказать про шёпот, про видение, про обещание. Но она не могла. Не сейчас. Не ей.

— Иди спать, — сказала она. — Завтра поговорим.

Лада кивнула и убежала. Её шаги затихли в коридоре.

Мирра закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной и сползла на пол.

Она сидела на холодном полу и смотрела на икону. Первый Согревающий смотрел на неё сверху. Уставший. Печальный.

— Ты тоже слышал? — прошептала она. — Ты тоже слышал, как оно просит?

Икона молчала.

Мирра закрыла глаза.

Завтра она пойдёт в храм. Завтра она поговорит с Матерью-Настоятельницей. Завтра она попробует найти ответы.

Но сегодня она просто сидела на полу и слушала, как бьётся её собственное сердце. Оно билось медленно. Тяжело. Как сердце уставшего человека.

Как Сердце.

Конец первой главы.

ГЛАВА 2. ХРАМ

Колокол ударил три раза.

Мирра проснулась от того, что звук прошёл сквозь неё, как холодная вода. Она лежала на кровати, не сняв рясы, и не помнила, как оказалась здесь. Помнила только пол, холодный камень, икону и своё сердце, которое билось слишком медленно.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, Ольга вошла.

— Вставай. Мать-Настоятельница ждёт.

Мирра села. Голова была тяжёлой, как будто она всю ночь таскала камни. Во рту пересохло. Она посмотрела на стол — чашка с отваром стояла нетронутой. Отвар остыл и покрылся плёнкой.

— Ты не пила, — сказала Ольга. Это был не вопрос.

— Забыла.

— Забыла она. — Ольга взяла чашку и сунула её Мирре в руки. — Пей. Быстро. Веста не любит ждать, а Клим не любит, когда ему не докладывают.

Мирра выпила. Отвар был горьким, с привкусом грибов и чего-то ещё — травянистого, холодного. Он обжёг горло, но не согрел. Мирра поставила чашку и посмотрела на Ольгу.

— Клим? При чём тут Клим?

Ольга отвернулась. Она начала перебирать вещи на столе — гребень, ленту, маленькое зеркало, — но её руки двига-

лись слишком быстро, слишком суетливо.

— Веста сказала, что завтра ты спускаешься снова. С Клим.

— Он никогда не спускается.

— Теперь спустится.

— Почему?

Ольга обернулась. Её лицо было усталым, серым от пыли. Под глазами — тёмные круги, как у человека, который давно не спал.

— Потому что кто-то донёс, что ты задаёшь вопросы. — Она понизила голос. — Кто-то сказал Весте, что ты спрашивала про Сердце. Про то, что оно говорит.

Мирра похолодела.

— Я не...

— Не ври мне. — Ольга подошла ближе. — Я не Веста. Я не Клим. Я просто хочу, чтобы ты выжила. Понимаешь? Выжила. А для этого нужно молчать. Петь. Отдавать воспоминания. Не думать.

— А если я не могу не думать?

Ольга посмотрела на неё долгим взглядом. В её глазах было что-то — не злость, не жалость. Что-то похожее на страх.

— Тогда, — сказала она тихо, — ты не проживёшь долго.

Она вышла. Дверь закрылась с мягким стуком.

Мирра осталась одна. Она посмотрела на икону Первого Согревающего. Тот смотрел на неё всё так же — устало и печально. На его фреске были трещины, и казалось, что он

плачет.

— Ты тоже спрашивал? — прошептала Мирра. — Ты тоже не мог не думать?

Икона молчала.

Храм был сердцем Подземного Города — в прямом и переносном смысле. Он стоял на самом верхнем уровне, ближе всего к поверхности, и его купол был вырублен в скале так, что напоминал перевёрнутую чашу. Внутри было тепло — не жарко, а именно тепло, как в доме, где топят печь. Стены были украшены фресками: Первый Согревающий спускается в шахты; Первый Согревающий поёт Сердцу; Первый Согревающий отдаёт своё последнее воспоминание и умирает с улыбкой.

Мирра всегда думала, что на последней фреске он выглядит слишком счастливым. Как будто смерть — это награда. Как будто отдать всё — это легко.

Но сегодня она смотрела на фреску и думала: а что, если он не хотел умирать? Что, если он просто **устал**? Что, если улыбка — это не радость, а облегчение?

Она шла по коридору, и её шаги отдавались эхом. Пол был выложен чёрным камнем, отполированным до блеска. Стены — обшиты деревом, тёмным, почти чёрным. На стенах — лампады с красным маслом. Они горели ровно, не мигая, и их свет был похож на кровь.

Мимо прошли две послушницы. Они несли свёртки с бельём и о чём-то шептались. Увидев Мирру, они замолчали и

поклонились. Мирра кивнула в ответ. Она знала этих девушек — их звали Света и Горица. Они были младше её на пару лет и всё ещё верили, что быть Согревающей — это честь. Мирра помнила, что когда-то думала так же.

Она завернула за угол и остановилась.

Перед дверью Матери-Настоятельницы стоял Клим.

Он был высоким, сухим, с длинными пальцами и маленькими колючими глазами. Его ряса была чёрной, без единого украшения, и это выделяло его среди других жрецов — те любили золото и вышивку. Клим не любил. Клим любил власть.

— Мирра, — сказал он. Голос у него был сухой, как старая бумага. — Ты опоздала.

— Простите, святой отец.

— Не мне просить прощения. — Он открыл дверь. — Входи. Мать-Настоятельница ждёт.

Приёмная Весты была большой и холодной. Пол — чёрный камень. Стены — тёмное дерево. В центре — стол из цельного куска скалы, на нём — книги, свитки, чаша с водой, свеча. За столом сидела Веста.

Она была старой — по крайней мере, выглядела старой. Её лицо было изрезано морщинами, как карта тоннелей. Волосы — седые, заплетённые в две косы. Глаза — светлые, почти прозрачные, как лёд. Она не улыбнулась, когда Мирра вошла.

— Садись.

Мирра села на стул напротив. Стул был низким, так что Веста смотрела на неё сверху вниз. Мирра знала, что это сделано специально.

— Клим сказал, что ты задаёшь вопросы, — начала Веста. — Это правда?

Мирра почувствовала, как напряглась спина.

— Я просто хотела понять...

— Понимать — это не твоя работа. Твоя работа — петь. — Веста откинулась на спинку стула. — Скажи мне, Мирра. Ты помнишь, что случилось, когда ты спустилась в последний раз?

— Я пела. Я отдала воспоминание.

— Какое?

Мирра замялась. Она не помнила. Она помнила, как пела, как говорила с Сердцем, как обещала вернуться. Но само воспоминание — то, что она отдала, — стёрлось. Как будто кто-то вырезал кусок из её памяти ножом.

— О первом снеге, — сказала она наконец. — Мне было пять. Мать держала меня за руку.

Веста кивнула. Её лицо не изменилось.

— Хорошо. Это правильное воспоминание. Лёгкое. Не обременяющее.

Мирра хотела сказать, что оно было не лёгким. Что оно было тёплым. Что она до сих пор чувствовала запах снега и хлеба. Но она промолчала.

Веста взяла со стола чашу и отпила. Вода была ледяной

— Мирра видела пар, который шёл от поверхности.

— Ты выглядишь уставшей, — сказала Веста. — Ты плохо спала?

— Немного.

— Тебе что-то снилось?

Мирра почувствовала, как напряглась спина. Веста смотрела на неё внимательно, не мигая.

— Я не помню, — сказала Мирра.

— Это хорошо. Сны — это то, что мы не отдали. Они копятся. Они мешают. Если тебе что-то снится, скажи мне. Мы найдём способ это убрать.

Мирра кивнула. Она чувствовала, как под ложечкой что-то сжимается. Веста говорила мягко, но в её словах была угроза — тонкая, как лезвие.

— Мать-Настоятельница, — сказала Мирра. — Можно спросить?

— Спрашивай.

— Что будет, если Сердце проснётся?

Веста поставила чашу. Её пальцы — длинные, сухие — на секунду задержались на краю стола.

— Сердце не проснётся, — сказала она. — Мы поём ему. Мы отдаём ему воспоминания. Мы держим его в покое.

— А если оно всё равно проснётся?

Пауза. Веста смотрела на неё. В её глазах было что-то — не страх, не гнев. Что-то холодное и древнее.

— Тогда мы все умрём, — сказала она просто. — Город

замёрзнет. Люди превратятся в лёд. И это будет наша вина — тех, кто не смог его удержать.

Мирра сглотнула.

— А если его... убить?

Веста не изменилась в лице. Но что-то в комнате изменилось. Воздух стал тяжелее. Свеча на столе дрогнула, хотя окна были закрыты.

— Кто тебе это сказал? — спросила Веста. Голос был тихим, но в нём была сталь.

— Никто. Я просто думала.

— Не думай об этом. — Веста наклонилась вперёд. — Сердце — это не просто существо. Это **основа** нашего мира. Если оно умрёт, умрёт всё. Ты понимаешь? Всё.

— Но если оно страдает...

— Страдает? — Веста усмехнулась. Это была не улыбка, а гримаса. — Сердце не страдает. Сердце спит. Оно видит сны. Мы — эти сны. Если мы перестанем петь, оно проснётся. И тогда сны закончатся.

Мирра хотела сказать, что Сердце говорило с ней. Хотела сказать, что оно просило. Но что-то в лице Весты остановило её. Что-то говорило: «Не сейчас. Не здесь».

— Я поняла, — сказала она.

Веста откинулась на спинку стула.

— Хорошо. Ты хорошая Согревающая, Мирра. Одна из лучших. Не порти это. — Она взяла со стола свиток и развернула его. — Завтра ты спустишься снова. Но не одна. С

тобой пойдёт брат Клим. Он проверит, как ты поёшь.

Мирра похолодела.

— Клим? Но он никогда не спускается.

— Теперь спустится. — Веста не подняла глаз от свитка. — Это не обсуждается. Можешь идти.

Мирра встала. Ноги были ватными. Она дошла до двери и взялась за ручку.

— Мать-Настоятельница, — сказала она, не оборачиваясь.

— Что?

— А что было до Сердца?

Тишина. Мирра слышала, как хор за стеной на секунду сбился с ритма — а потом продолжил.

— До Сердца был свет, — сказала Веста. — И мы потеряли его. Иди.

Мирра вышла.

Клим ждал её в коридоре.

Он стоял у окна — узкой бойницы, вырубленной в скале. За ней была тьма. Не просто темнота, а **тьма** — густая, как смола. Клим смотрел в неё, и его лицо было задумчивым. Мирра впервые заметила, что он выглядит уставшим. Не злым, не хитрым — просто уставшим.

— Святой отец, — сказала она.

Он обернулся. Его глаза блеснули.

— Ты поговорила с Матерью-Настоятельницей?

— Да.

— И что она сказала?

— Что завтра я спускаюсь с вами.

Клим кивнул. Он не улыбнулся.

— Хорошо. — Он помолчал. — Ты знаешь, почему я не спускаюсь?

Мирра замялась.

— Говорят, вы боитесь.

Клим усмехнулся. Это была не злая усмешка — скорее горькая.

— Боюсь. Это правда. — Он снова посмотрел в окно. — Я спускался один раз. Двадцать лет назад. Тогда я был молод, как ты. Я верил, что Сердце — это бог. Что оно доброе. Что оно ждёт нас.

— И что случилось?

— Я услышал его. — Клим понизил голос. — Оно говорило со мной. Оно просило.

Мирра замерла.

— Что оно просило?

Клим посмотрел на неё. В его глазах было что-то — не страх, не гнев. Что-то похожее на жалость.

— Неважно. Я не послушал. Я ушёл. И с тех пор не спускался. — Он отвернулся от окна. — Но теперь я должен. Потому что Мать-Настоятельница хочет знать, что ты слышишь.

— А что я слышу?

— Это ты мне скажи. — Клим посмотрел на неё долгим

взглядом. — Завтра. В шахтах. Не ври мне, Мирра. Я слышал его двадцать лет назад. Я знаю, как оно звучит.

Он ушёл. Его шаги затихли в коридоре.

Мирра осталась стоять у окна. Она смотрела в тьму и думала: а что, если Клим не враг? Что, если он такой же, как она — тот, кто слышал и испугался?

Она нашла Ладу на кухне.

Кухня была большой, жаркой, полной пара и запахов. Где-то варилась похлёбка — пустая, из грибов и кореньев. Где-то пекли хлеб — тёмный, тяжёлый, с добавлением мха. Повара — все в фартуках, с красными лицами — бегали между котлами. Никто не обращал на Мирру внимания.

Лада сидела на полу в углу и чистила котлы. Её руки были чёрными от сажи, а на щеке — полоса гари. Она напевала что-то себе под нос — тихо, фальшиво, но с удовольствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.